АВТОР МИРА ВЕЙН
ЛЕТОПИСИЦА ПЕПЛА
ХРОНИКИ ЭРХЕЙМА
18+
КАЖДОЕ СЛОВО ИМЕЕТ ЦЕНУ.

Мира Вейн

Летописица пепла

«Автор»

2026

Вейн М.

Летописица пепла / М. Вейн — «Автор», 2026

«Можно?» Одно слово, которое меняет мир.Валар Весич чинит старые книги и давно никому не верит на слово. Один заказ с запиской «И.» оказывается ловушкой. Капля крови на странице, и она в Эрхейме, мире из пепла, драконов и зеркал, где обо всём решают без спроса.Лорд Каэль Зарн'Ахар двадцать лет сжигает всё, чего касается, и потому не касается никого. Он знает, кто она, с первой минуты. И молчит.Она умеет читать слова, которые не читал никто сто лет. Платить за каждое придётся жизнью. А человек, подписавшийся «И.», слишком любезен, слишком добр и слишком давно ждёт именно её.Любовь, которая начинается с недоверия. Тайна, которая стоит всей жизни. Вопрос, который однажды придётся задать вслух.Фэнтези о драконах, зеркалах и выборе, от которого не отвернуться.1 часть диалогии.

© Вейн М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Летописица пепла 5
Глава 1. Приглашение 5
Глава 2. Пепельные горы 7
Глава 3. Замок Зарн 10
Глава 4. Клетка с видом на пропасть 14
Глава 5. Нижний ход 18
Глава 6. Условия 22
Глава 7. Гость с севера 26
Глава 8. Первое слово 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Мира Вейн
Летописица пепла

Летописица пепла

Глава 1. Приглашение

Белград. Поздний вечер.

Посылку принёс курьер без формы и без лица: серое пальто, поднятый воротник, шапка, надвинутая до самых бровей. Он поставил свёрток на стойку и вышел раньше, чем Валар успела спросить, от кого заказ. К бечёвке был подвязан конверт. Внутри лежали три пачки купюр, втрое больше обычной платы, и записка, выведенная ровным, красивым почерком с наклоном влево:

«Книга требует бережности и срочной работы. Прошу приступить сегодня же, до рассвета пятницы. Расчёт получите полностью. И.»

Валар перечитала записку дважды и ощутила то лёгкое покалывание под лопатками, которое в её ремесле означало одно: от такого заказа надо отказываться. Потом она пересчитала деньги. Аренда за полгода вперёд. Записка отправилась в ящик стола.

Ночью, когда последний клиент давно ушёл, а на Дорчоле погасли окна, она развернула бумагу.

Фолиант пах гарью. Не просто пах, а дышал ею, словно его вынесли из пожара, откуда больше никто не вышел. Переплёт из чёрной кожи растрескался, как земля в засуху. Ни названия, ни герба, ни номера на корешке. Лишь вдавленный в обложку знак: спираль, свернувшаяся, точно зверь перед прыжком.

— Ну и характер, — сказала Валар книге. — Я таких любила только до тридцати.

Книга не ответила. Это было её единственным достоинством.

Мастерская занимала полуподвал старого дома, и по ночам здесь стояла такая тишина, что слышно было, как оседает пыль. Валар любила это время. Днём приходили клиенты и звонила память: четыре месяца назад ушёл Лука, её компаньон, потом жених, потом человек, продавший список её клиентов конкуренту. «Ничего личного», — объяснил он. Валар ответила, что личное он забыл у неё в ванной в виде зубной щётки, и ушла. С тех пор она никому не верила на слово. Это обошлось ей дорого: двумя годами жизни и половиной клиентов. Зато научило слушать то, что вещи говорят о себе сами.

Эта вещь говорила: *«Не трогай»*.

Лука. Они познакомились на втором курсе, на факультете, где он учился на реставратора-ювелира и все девушки группы переписывали у него конспекты. Высокий, с ленивой улыбкой, с вечно растрёпанными светлыми кудрями и ямочками на небритых щеках, он умел говорить так, что хотелось верить каждому слову: о чём угодно, от Брейгеля до погоды. Пять лет они были неразлучны. Вместе открыли мастерскую, вместе спорили о клее и бумаге, вместе клеили на стену карту будущих выставок. Он сделал ей предложение на Калемегдане, с колечком в коробочке из-под кнопок, и она смеялась и плакала одновременно. А потом выяснилось, что список клиентов, который она собирала годами, он отнёс в конкурирующую мастерскую, потому что там платили больше. Ей понадобилось много месяцев, чтобы понять: «ничего личного» было самой правдивой фразой за все пять лет.

Домой Валар возвращалась в квартиру на последнем этаже старого дома неподалёку: под крышей жили голуби, от соседки снизу вечно пахло лавандой. Две комнаты с высокими потолками и лепниной, скрипучий паркет, на подоконнике герань, которую она вечно забывала поливать, и книги: на полках, на столе, на полу, стопками у кровати. В кладовке стоял бабушкин сундучок, который Валар никогда не разбирала, потому что боялась, что запах детства окажется сильнее её. Квартира была тихой, чистой и пустой, как хорошо отреставрированная вещь, которой давно никто не пользуется.

Валар надела лупу, склонилась над трещиной в переплёте и осторожно поддела скальпелем пласт кожи.

Под ним была не бумага. Под ним был текст. Он тянулся по изнанке обложки, мелкий и плотный, вписанный знаками, которых она не встречала ни в одном справочнике: острыми, как зубы, и текучими, как дым.

— Так, — произнесла Валар вслух. — Это уже не реставрация, это археология. А за археологию мне столько не платят.

Она потянулась за пинцетом, и руку её дёрнуло. Не от страха, от холода. Из книги потянуло стылым сквозняком, будто кто-то распахнул дверь в чужую зиму. Скальпель соскользнул, лезвие прошло по подушечке пальца глубоко и чисто, и капля крови упала на страницу.

Кровь не впиталась. Она разбежалась по линиям букв, как по венам. Знаки вспыхнули один за другим, тускло и багрово, словно кто-то поднёс спичку к строкам, и каждая занималась от предыдущей. Буквы отрывались от кожи и ползли, сплетаясь в слова.

И она поняла, что читает их.

Не угадывает, не разгадывает, а читает, как родную речь, которой никогда не учила.

«Пролившая кровь моей крови принята. Принятая записана. Записанная вернулась…»

— Нет, — сказала Валар. — Спасибо, не надо. Я передумала.

Она рванулась назад, но стул уже не держал. Столешница под ладонями стала мягкой, как ткань. Лампа мигнула и погасла, и в последнем отсвете гаснущих знаков Валар увидела на титульном листе новую строку. Минуту назад её там не было. Её вывели ровным красивым почерком с наклоном влево:

«Благодарю, что пришла. И.»

Холод ударил со всех сторон, будто её окатили ледяной дунайской водой, а потом выдернули пол из-под ног.

Последнее, о чём она успела подумать, падая в темноту: «Надо было остаться юристом».

Потом книга захлопнулась. А в мастерской на Дорчоле остались лишь запах гари, три пачки денег и маленькая красная капля на пустом столе.

Глава 2. Пепельные горы

День первый. Утро.

Первым вернулся холод.

За ним пришли боль и вкус: боль в боку, в затылке, в порезанном пальце, и мелкий горький песок во рту. Валар перевернулась на бок, закашлялась, и её вырвало на камень. Потом она долго лежала, свернувшись, и ждала, что сейчас раздастся знакомый голос. Аны из соседней мастерской: «Валар, вы там живы?» Или звонок Луки. Хоть что-нибудь.

Голоса не было. Был ветер, и ветер пах гарью.

Она открыла глаза.

Небо над ней отливало старым свинцом, и из него медленно, лениво падали хлопья, похожие на снег. Только снег холодный, а эти были тёплыми. Один опустился ей на ресницу; она смахнула его и увидела на пальце тёмный след.

Она села, и мир качнулся. На ней были рабочий фартук, рубашка с закатанными рукавами и шерстяные носки с оленями, подарок бабушки. Ботинки остались в мастерской. Лупа всё ещё болталась на лбу.

— Так, — сказала Валар вслух. Голос вышел сиплым и чужим. — Так. Я надышалась клеем, уснула над столом, и мне это снится.

Она ущипнула себя за руку, сильно, до синяка. Не проснулась. Попробовала вспомнить число и поняла, что помнит только запах гари. Тогда она стала перечислять вещи, как перечисляла их при приёмке заказа, потому что это всегда её успокаивало: небо серое; камень чёрный; воздух тёплый и сухой; в горле першит; руки дрожат. Руки дрожали мелко и противно. Валар поглядела на них со странным отстранением, будто на чужие.

Она лежала в центре идеального круга. Камень вокруг был выжжен до глянца, и по нему, как по стеклу, расходилась спираль, тот самый знак с обложки, только в десять шагов шириной. Края ещё тлели. Дальше, насколько хватало глаз, тянулась равнина из чёрного камня, исчерченная трещинами, и в каждой трещине дышало красное. Вдали вставали зубчатые горы, над ними дрожало зарево. А совсем рядом с кругом лежало что-то огромное. Валар повернула голову и сразу пожалела об этом.

Когда-то это было живым. Теперь это был обугленный остов с рёберной клеткой, оскаленной пастью и пустыми глазницами. Из пасти торчали зубы длиной с её предплечье.

Между кругом и остовом лежала книга. Закрытая, целая. По обложке, как по свежему ожогу, бежала тонкая золотая жилка.

Валар поползла к ней на четвереньках. Схватила, прижала к груди, как прижимают единственное, что осталось от дома, открыла. Страницы были пусты и холодны. Знаки, которые недавно сами вспыхивали под её взглядом, лежали на коже мёртвыми чёрными царапинами.

— Верни меня, — прошептала она. — Слышишь? Я не просила. Верни.

Книга молчала. Тогда Валар заплакала. Коротко, зло, всхлипами, и сама зажала себе рот ладонью, потому что звук собственного плача в этой огромной тишине был непереносим.

Остов шевельнулся.

Не весь. Под рёбрами что-то пошло рябью, словно внутри копошились сотни мелких существ. Из тёмной щели выползла струйка серой жижи и потянулась к ней по камню, быстро, как живая. Это был не страх, а что-то более древнее, идущее из самого позвоночника. Валар вскочила, споткнулась о собственные ноги и упала, ободрав локоть. Жижа замерла, подрагивая, будто принюхиваясь к воздуху, в котором ещё стоял запах её крови.

И тогда ударили копыта.

Обернуться она не успела. Мимо пронёсся всадник, в воздухе блеснула сталь, раздался влажный хруст, и жижа на камне вспыхнула и осыпалась прахом. Ещё трое возникли из серой

мглы и взяли её в кольцо. Кони у них были чёрные, с тлеющими красными глазами. Всадники в тёмных доспехах без гербов, лица скрыты шлемами. Один из них, невысокий и гибкий, откинул забрало, и Валар увидела женщину: смуглую, с яркими зелёными глазами, а из-под шлема выбивалась медно-рыжая коса.

— Три толчка за ночь, — сказала женщина, оглядывая выжженный круг. — И вот что они подняли. Лорд, смотри.

Четвёртый спрыгнул на камень. Он был выше остальных на полголовы. Чёрный плащ с меховым воротом, тёмные волосы до плеч, жёсткая линия челюсти и шрам, идущий от виска через скулу к уголку рта. Лицо его было красиво так, как бывает красива гроза: смотреть можно, а стоять под ней не стоит. Глаза янтарные, и зрачки сужались в вертикальные щели.

Валар смотрела на эти глаза и цеплялась за последнюю разумную мысль: «контактные линзы». Мысль не держалась.

Он не смотрел на неё. Он смотрел на спираль, выжженную в камне, и на книгу в её руках. Лицо его не менялось, но пальцы на рукояти меча медленно побелели.

— Кто ты? — спросил он наконец.

Голос низкий, ровный, без нажима. Так говорят те, кому незачем повышать тон. Валар поняла каждое слово, и от этого по спине прошёл холод, острый, как игла: он говорил не по-сербски. Звуки были гортанные, перекатистые, чужие. Но она понимала их так же легко, как светящиеся буквы, и это пугало больше, чем остов и кони. Во сне не бывает такой скучной, настоящей грамматики.

— Валар Весич, — сказала она. Голос сорвался. — Пожалуйста. Где я? Мне нужно домой. Здесь какая-то ошибка.

— Откуда ты пришла?

— Из Белграда. — Она сама услышала, как нелепо это звучит. — Это в Сербии. На Земле.

— Такой земли нет.

— Есть! — Она поднялась, и ноги подогнулись. Рыжеволосая женщина придержала её за плечо, не грубо, но так, что вырваться стало невозможно. — Я реставратор. Я работала с этой книгой, порезалась, и…

— Три удара за ночь, — сказал он, и слова его предназначались не ей, а женщине. — Печать молчала сто лет, а сегодня трижды отозвалась. На границе. На этом месте. И вот эта лежит в центре круга.

— Вижу, — ответила женщина тихо. — Что скажешь людям?

Каэль повернулся к Валар. Тень прошла по его лицу, и она ясно увидела, как он принимает решение. Не удивление, не страх. Выбор.

— Я Каэль Зарн'Ахар, — сказал он громко, так, чтобы слышали все. — Эти земли принадлежат мне. Ты стояла над останками драконьего зверя в Пепельной пустоши, одна, без оружия, без проводника, без плаща, в тот самый час, когда дрогнула Печать. Ты либо глупа, либо шпионка. Я не верю в глупость.

— Я не шпионка! Я не знаю, как здесь оказалась!

— Тогда тебе нечего бояться.

— Вы не понимаете…

— Взять её.

Двое схватили её за локти. Валар рванулась и тут же обмякла: бороться было нечем. Рыжеволосая подошла вплотную и сказала вполголоса, почти без угрозы:

— Не дёргайся. Я Мира, командую стражей лорда. Здесь нет закона, который тебя защитит, но и казнят у нас не за глупость. Веди себя тихо.

Валар заставила себя выпрямиться. Плакать при них она больше не станет. Это было единственное, что у неё осталось своего.

Каэль подошёл и вынул книгу из её ослабевших пальцев. Не голой рукой, а подхватив её краем плаща, как берут раскалённое железо. Золотая жилка на обложке вспыхнула и погасла. Потом он поднял глаза, и на мгновение, пока никто не видел, его взгляд встретился с её взглядом.

— Сто лет, — произнёс он почти беззвучно, так, что услышала только она. — Сто лет Печать молчала. А сегодня ответила тебе.

Валар не поняла, что это значит. Но почему-то ей стало страшнее, чем от обугленных останков.

Глава 3. Замок Зарн

День первый. Вечер.

Дорогу Валар почти не запомнила.

Ей помнился жар. Каэль посадил её перед собой, не спрашивая, как сажают свёрток, и она сидела, не шевелясь, пока зубы сами собой выбивали мелкую дробь. Он молча снял плащ и накинул ей на плечи. Не заботясь и не извиняясь просто потому, что её дрожь тревожила коня. Плащ пах дымом и железом и был невыносимо тёплым.

Книга, обёрнутая куском ткани, лежала в седельной сумке. Конь с красными угольками в глазах вздрагивал всей шкурой, но не смел возразить. Рука Каэля покоилась на поводьях в двух пальцах от её бедра. Перчатка из тёмной кожи была прожжена на костяшках, и сквозь дыры виднелись старые ожоги, глянцевые и стянутые, будто его однажды вынули из пламени за руки.

Пепел сыпался им на плечи. Никто не говорил.

— Где я? — спросила наконец Валар хрипло, не оборачиваясь.

— В Эрхейме, — ответил он после долгой паузы. — В Пепельных горах.

— Как вернуться?

— Не сейчас.

Это не было ответом. Но и отказом тоже не было, и она ухватилась за эту разницу, как утопающий хватается за доску.

Рядом ехала Мира. Она не смотрела на Валар, но по её плечам было ясно: слушает каждое слово.

— Первый день всегда такой, — сказала она негромко, на ходу. — Потом становится хуже, а потом привыкаешь. Это не утешение. Это расписание.

— Вы уже видели таких, как я? — спросила Валар. Голос был чужим, плоским. — Которые… оттуда?

— Нет. Я командую людьми, которых привозят с границы, только и всего. — Мира помолчала. — Не пытайся понять всё сразу. Зарн держит стая лорда, а ей служат люди. Живут вместе так давно, что кто кому служит, зависит от того, кого спросить.

— Стая, — повторила Валар. — Какая стая? Волков?

— Драконов.

Валар засмеялась. Смех вышел коротким и некрасивым, и она сама испугалась его.

— Нет. Нет, подождите. Этого нельзя говорить всерьёз. Драконов не бывает. Это сказки. Это кино.

— Ты видела его глаза, — спокойно сказала Мира.

— Линзы. — Валар вцепилась в это слово, как в поручень. — Это линзы, и грим, и у вас тут какая-то постановка, да? Театр? Реконструкция?

Рука Каэля на поводьях не шевельнулась, но Валар почувствовала, как он напрягся за её спиной: он слушал.

Мира молча стянула перчатку с левой руки и подняла ладонь так, чтобы Валар видела. Кожа на тыльной стороне потемнела, пошла мелкой чешуёй цвета потускневшей бронзы, ногти вытянулись в тёмные изогнутые когти. Это длилось два вдоха. Потом чешуя схлынула, как вода с камня, и перед Валар снова оказалась обычная женская рука со шрамами.

Валар перестала дышать. Мир сузился до одной точки. В ушах зашумело, перед глазами поплыли чёрные пятна, и она поняла, что сейчас потеряет сознание. Сквозь шум донёсся голос Миры:

— Дыши. Вдох на четыре. Выдох на шесть. Ну.

Она дышала. Считала. Вдох. Выдох. К горлу подкатила тошнота, и она сглотнула её вместе с остатками рассудка.

— Я хочу домой, — сказала она очень тихо, и это было не требование, а детская просьба.

— Знаю, — ответила Мира. Впервые в её голосе не было ни насмешки, ни расчёта. — Знаю. Но сейчас нельзя. Сейчас тебя нужно довезти до стен живой.

На второй час пути пустошь осталась позади, и впереди выросли горы. Не горы даже, а челюсть: чёрные базальтовые клыки, торчащие в небо, а между ними, вросший в камень, будто вырубленный из самой скалы, замок. Башни его были неровны и ломаны, как зубы после драки. Из узких окон сочился багровый свет. У подножия ворочались кузнечные горны, и дым от них стлался по ущелью длинными лентами.

— Зарн, — сказал Каэль. Впервые за всю дорогу. — Дом моего рода.

Валар хотела ответить что-нибудь и обнаружила, что не может. Замок не был красив. Он был стар, как стара ненависть, и так же упорен.

В ворота они въехали при свете факелов. Стража расступилась без единого слова. Валар заметила, как люди (если это были люди) опускали глаза, когда Каэль проезжал мимо. Не из почтения. Так отводят взгляд от огня, который не хочется дразнить.

Зал Пепла оказался огромным и холодным. Своды уходили во мрак, колонны из тёмного камня были испещрены знаками, а в центре, на возвышении, стояло кресло с высокой спинкой в форме расправленных крыльев. По углам горели жаровни. У подножия, на длинной скамье, сидели трое стариков в серых одеждах. Лица их казались вырезанными из того же камня, что и колонны, а глаза тускло тлели, как угли под золой.

— Совет Огня, — шепнула Мира, подталкивая Валар вперёд. — Главы трёх старших родов стаи. Тот, что слева, Горвен, самый упрямый. Лорд правит, но без их согласия не решает ничего важного. Не смотри им в глаза долго.

Каэль ссадил Валар у подножия и прошёл мимо, не оглянувшись. Только когда он вышел в круг света, она смогла как следует его разглядеть.

Он был старше, чем ей показалось в пустоши. Лет тридцати пяти на вид, хотя в глазах читалось нечто гораздо более давнее. Тёмные волосы, перехваченные у висков, отливали медью там, где на них падал огонь, словно в них тлели невидимые угли. Лицо вылеплено резко и сурово: высокие скулы, прямой нос, рот, привыкший молчать. Шрам тянулся от виска к губам белёсой нитью и слегка оттягивал уголок рта вниз. Под расстёгнутым воротом на ключице виднелись тонкие тёмные линии, похожие на трещины в обожжённой глине. Они уходили под кожу и исчезали.

Он сел в кресло. И в этом движении было что-то настолько привычное, настолько хозяйское, что Валар с неохотой признала: он и вправду здесь владыка.

— Совет Огня слушает, — произнёс Горвен, и голос его прозвучал, как скрип несмазанной двери. — Печать дрогнула трижды. Ты привёл чужачку. Объяснись, Каэль.

— Её нашли в круге, на месте третьего толчка. Я допрошу её сам.

— Ты уведомил Обитель? — спросил второй старик.

— Не успел.

— Обитель должна знать, — сказал третий. — Таков порядок. Провидцы держат Зеркала над Разломом. Без их защиты Пустошь дойдёт до наших ворот за одну зиму. Мы живём их милостью, и ты это знаешь.

— И закон Врат, Каэль, — добавил Горвен. — Всякий, кто пришёл из-за Врат, подлежит осмотру Зеркал Обители. Только они отличат гостя от лазутчика Пустоши. Так записано при Договоре.

— Я знаю это лучше вас, — ответил Каэль, и в голосе его не было ни тепла, ни вызова. Только лёд. — Три дня. Я выясню, кто она и откуда. Потом уведомлю Обитель сам.

Старики переглянулись. Горвен медленно кивнул.

— Три дня. Не больше.

Слева, из тени колонны, шагнул ещё один мужчина. Он был моложе Каэля, ровесник Валар на вид, но сложен тоньше, и черты его лица, поразительно схожие с чертами лорда, были мягче и словно смазаны, как будто их набросали той же рукой, но второпях. Волосы светлее, глаза тёмно-золотые, и в них горела обида, которую он давно не пытался скрыть.

— Брат лорда, — одними губами сказала Мира. — Дариус. Они давно не друзья.

— Три дня, — повторил Дариус негромко. — А если посланник Обители приедет раньше? Ты тоже попросишь у него три дня?

— Дариус.

— Я лишь спрашиваю. Весь замок спрашивает, почему лорд тащит из пустоши девицу в шерстяных носках и прячет её от людей Обители. Они решат, что ты что-то скрываешь.

— Пусть решают.

Каэль повернулся к Валар.

— Говори. Только правду. Я почувствую ложь.

Валар качнуло. Пол зала плыл под ногами, а в ушах стоял ровный звон. Она заставила себя говорить медленно, как говорят на допросе врачи:

— Я реставратор. Я чиню старые книги. Эту принёс курьер. К заказу прилагалась записка, подписанная одной буквой: «И»…

— Довольно.

Он не повысил голоса. Но в зале стало так тихо, что Валар услышала, как потрескивают жаровни. Дариус медленно перевёл взгляд с неё на брата, и на лице его мелькнуло что-то острое, как у человека, заметившего то, чего он не должен был заметить.

— Она на ногах не стоит, — сказал Каэль, обращаясь к Совету. — Допрос продолжится, когда она придёт в себя. Увести в северную галерею, пока готовят комнату.

Галерея оказалась длинным коридором со стрельчатыми окнами, выходившими в пропасть. Свет здесь был серым, мертвенным. Валар шла между двумя стражниками, чувствуя, как каменный холод пробирается сквозь шерстяные носки. Следом, на расстоянии нескольких шагов, шла девушка с лампой: худенькая, лет семнадцати, в серой тунике прислуги, с тёмными глазами и острым любопытным лицом. Она всё время смотрела в пол, но Валар чувствовала, что за этим опущенным взглядом скрывается внимательность.

Каэль и Мира шли последними. Валар слышала их шаги, размеренные, неторопливые, как у хищников, которые не гонятся, а ведут добычу.

На одной из стен, высоко, в нише, виднелась надпись. Она тянулась по камню широкой полосой, выбитой в базальте и когда-то залитой чем-то тёмным, давно потускневшим. Знаки были те же, что на изнанке переплёта: острые, как зубы, и текучие, как дым.

Валар остановилась. Она не хотела. Просто ноги перестали идти.

— Иди, — бросил стражник.

Она не слышала. Она читала.

— «Слово, данное в огне, будет жить, пока жив огонь. Слово, данное в крови, будет жить, пока жива кровь. Слово же, записанное рукой Летописца, не умрёт никогда…»

Голос её звучал чужим, низким. Знаки на стене дрогнули. Тёмная заливка в бороздах вспыхнула тусклым золотом, и по всей галерее разом взметнулось пламя в светильниках, оставив после себя гул, словно где-то далеко ударил огромный колокол.

Стражники отпрянули. Девушка с лампой уронила её и замерла, прижав ладони ко рту.

Рука Каэля сомкнулась на запястье Валар так внезапно, что она вскрикнула. Пальцы его обожгли, не до боли, но до предела боли, как раскалённый металл. Он развернул её к себе. Лицо его побелело, а зрачки сузились в тонкие вертикальные нити.

— Кто научил тебя читать это?

— Никто! Я не знаю! Я просто вижу и понимаю! — Голос её дрожал уже не от страха, а от чего-то хуже. — Что со мной происходит? Скажите мне хоть что-нибудь!

Он вглядывался в неё несколько секунд, которые показались вечностью. Потом пальцы разжались. На запястье остался красный след, и кожа под ним горела.

— Вы ничего не видели, — сказал Каэль, не поворачиваясь к свидетелям. Голос его снова стал ровным. Слишком ровным. — Кто проговорится, ответит мне лично. Это касается и тебя, Лисса.

Девушка с лампой пискнула что-то и поклонилась так низко, что едва не упала.

Он остался с Валар наедине, если не считать застывших стражников и Миры, державшейся чуть поодаль. Совсем близко. Валар слышала, как гулко бьётся её собственное сердце, и ненавидела себя за то, что бьётся оно не только от страха.

— Ты узнаешь, что с тобой, — произнёс он тихо. — Но не здесь и не вслух. Больше ты не прочтёшь ни слова на этих стенах. Ты поняла?

— А если я не смогу удержаться?

— Тогда научишься. У тебя три дня.

Он пошёл прочь. Её отвели в башню. Дверь захлопнулась, лязгнул засов, и в наступившей тишине Валар услышала, как в коридоре Каэль говорит Мире, глухо и быстро:

— Ни слова никому. Пока Обитель не знает, что Печать ответила, у нас есть три дня. Если посланник Ирвена увидит её, будет поздно.

Глава 4. Клетка с видом на пропасть

День второй.

Спать Валар так и не смогла. Всю ночь она просидела на узкой койке, обхватив колени, и повторяла себе простые вещи: она жива; порезан один палец, а не два; в мастерской осталась включённая лампа, и если никто не выдернет шнур, сгорит проводка. Мысль о проводке оказалась самой невыносимой. Заказ. Аренда. Ана, которая утром найдёт на столе красную каплю. Сколько дней пройдёт, прежде чем кто-нибудь хватится? Захочет ли хватиться вообще?

Она заплакала тихо, уткнувшись в мех, без всхлипов. Потом вытерла лицо рукавом, потому что больше было нечем, и встала. Горе ничего не чинило. А чинить она умела только одним способом: сначала выяснить, что сломано.

Комната была тесной и круглой, вырубленной в толще башни. Стены из тёмного камня, потолок со следами копоти, железная решётка на единственном окне. Запястье ныло. Валар поднесла его к свету: след от пальцев Каэля потемнел до цвета спелой сливы, а по краям проступили тонкие золотистые линии, похожие на трещинки в глазури. Она потёрла кожу ладонью. Линии не исчезли.

Она подошла к окну.

Под башней разверзлась бездна. Скала обрывалась на сотни метров, и там, на дне долины, лежал Разлом: огромная рана в земле шириной с реку, тянувшаяся до самого горизонта. Из неё сочился красноватый свет, густой, как тлеющая лава. Вдоль кромки, словно ржавчина на железе, расползалась чёрная кайма мёртвой земли. Пепельная пустошь. Она подступала к склонам, и там, где касалась живого, жизнь гасла.

Валар смотрела долго. Потом услышала скрип засова.

В дверь боком протиснулась девушка из галереи, держа в руках кувшин и стопку одежды. Вблизи Лисса оказалась совсем юной: худенькая, с острым лицом и тёмными глазами, слишком взрослыми для её лет. На шее у неё висел мешочек с сухими травами, а пальцы были в мелких царапинах и пятнах чернил.

— Я принесла воду, госпожа. И платье. Лорд велел, чтобы вы не мёрзли.

— Он так сказал?

— Ну… — Лисса опустила глаза. — Мира сказала, что он так сказал. Я у замковой травницы в учении, помогаю и в лазарете, и на кухне, и где скажут.

Она поставила кувшин и вдруг выпалила, понизив голос:

— Я видела надпись. Как она загорелась. Я никому не скажу, правда. Я просто никогда такого не видела.

— Давай договоримся, — сухо ответила Валар. — Ты ничего не видела, а я ничего не читала.

Лисса закивала быстро-быстро. И Валар поймала себя на том, что слишком легко ей поверила. Слова ничего не стоят, Лука научил её этому дорого. Она вспомнила, как в галерее девушка уронила лампу, но не отвела глаз ни на секунду, жадно ловя каждый знак.

Когда Лисса ушла, в комнате остался запах трав. А вскоре снова лязгнул засов, и вошла Мира.

При свете дня Валар разглядела её лучше. Высокая, почти вровень с Каэлем, она двигалась беззвучно, как двигаются те, кто привык ходить по крышам и по чужим коридорам. Лет тридцати, смуглая, с резкими красивыми чертами лица и тяжёлыми медно-рыжими косами, обёрнутыми вокруг головы, как корона. Глаза зелёно-золотые, с вертикальным зрачком, смотрели без враждебности, но и без малейшей мягкости. В вырезе кожаной куртки, там, где шея уходила под воротник, мерцали мелкие бронзовые чешуйки. Предплечья пересекали шрамы, старые и новые вперемешку. На поясе висел меч с зазубриной у основания клинка.

Она поставила на стол поднос с хлебом, мясом и водой.

— Ешь. Не отравлено. Если бы лорд хотел тебя убить, ты бы не проснулась.

— Утешительно, — хрипло ответила Валар.

— Он велел тебя накормить и ничего не рассказывать. — Мира села на табурет, положив руку на рукоять меча, и впервые посмотрела на Валар долго, оценивающе, так смотрят на оружие, прежде чем решить, чьё оно. — Я расскажу то, что в Зарне знает каждый ребёнок. Остальное зависит от тебя. Мне нужно понять, что ты такое.

Хлеб был тёмный, плотный и пах дымом. Валар отломила кусок и вдруг поняла, что не ела, кажется, сутки.

— Что это? — спросила она, кивнув на окно. — Трещина.

— Разлом.

Мира произнесла это слово так, как произносят имя покойника.

— Раньше между драконами и людьми стоял Договор, — сказала она, глядя не на Валар, а куда-то в стену. — Давным-давно они скрепили землю Словом-печатью. Слова, записанные кровью Летописца, становятся законом мира. Пока Печать держалась, мир стоял. Хранила её одна Летописица. Сто лет назад она погибла, и дар умер вместе с ней. Печать треснула. Из Разлома пошла Пустошь. Она ест землю, воду, живое. Всё, чего касается. Мы держим границу. Пока.

— Мы?

— Лорд и его стая. — Пауза. — Что от неё осталось. Каэль правит Пепельными горами тридцать лет, с тех пор как погиб его отец. Двадцать лет назад на границе стояли сорок драконов. Вернулся один Каэль. Мой муж ушёл тогда вместе с ними. С тех пор из Разлома лезут пепельники: твари из пепла и углей. Они пьют тепло, и кого коснутся, тот сереет.

Валар отложила хлеб.

— Мне жаль.

— Жалеть незачем. Дариус в тот день тоже был там. Ему досталось, его вынесли с поля раньше остальных. С тех пор он твёрдо уверен, что брат мог спасти стаю, если бы послушал его совета. — Мира криво усмехнулась. — Они оба правы, и поэтому не разговаривают.

— А те, в сером? Совет?

— Старейшины родов. Они держат стаю, пока лорд держит границу, и они же требуют отчитываться перед Обителью. — Мира снова посмотрела на окно. — Обитель — это орден провидцев на севере, в Серебряных скалах. Они ставят Зеркала над Разломом, видят, что ползёт из пустоши, и закрывают проходы. Их глава, Ирвен, первым понял, что Печать треснула, и первым поднял защиту. Люди его почти боготворят. Без него нас бы давно смело. Поэтому лорд склоняет перед ним голову, хотя и не любит его.

Валар вспомнила записку, почерк с наклоном влево, и молча сжала пальцы.

— Каэль Зарн'Ахар, — медленно повторила она. — Зарн, как замок?

— Замок назван по роду. Род Зарн правит этими горами с тех пор, как Печать впервые легла на землю. Огонь его не прощает: от прикосновения лорда остаются ожоги, которые не сходят никогда. Раньше, пока была стая, он умел держать этот огонь в узде. Теперь не умеет. Потому он и носит перчатки, и никому не позволяет к себе прикасаться. Я видела, как он взял тебя за запястье в галерее. — Мира кивнула на её руку. — Покажи.

Валар протянула запястье. Мира взяла его осторожно, повернула к свету, и Валар увидела, как зрачки драконицы расширились.

— Это не ожог. Ожог чёрный, рваный, с краями, как у порванной бумаги. А у тебя золотая вязь. Огонь Зарн так не пишет. — Она отпустила руку. — Я видела такое только на старых фресках. Так выглядит знак записи, оставленный тому, кого признаёт Слово.

— Что это значит?

— Не знаю. — Мира достала из-за пазухи кусок пожелтевшего пергамента и бросила на стол. — Прочти. Тихо.

Знаки на нём были те же: острые и текучие. Валар пробежала глазами и прошептала:

— «Железо из северных штолен. Двенадцать возов. Расчёт после первого снега». Это договор о поставках.

Мира побледнела так, что веснушки на её носу проступили, как брызги грязи.

— Этот письменный закон не использовали сто лет, — сказала она очень тихо. — Читать его могла только Летописица.

— Я не Летописица. Я реставратор.

— Знаю. Поэтому ты мне и интересна. — Мира убрала пергамент. — Слушай. Ты слышала, как лорд оборвал тебя на слове «И». Я двадцать лет рядом и ни разу не видела, чтобы он затыкал свидетеля при Совете. Он что-то скрывает. Пока я не знаю что, я не стану докладывать ему о каждом твоём слове. Но и помогать вслепую не стану. Ты рассказываешь мне всё, что вспомнишь о книге и о записке, а я рассказываю то, что знаю о нём. Это не доброта. Это сделка.

— А если я откажусь?

— Тогда через три дня тебя заберёт Обитель, и ты узнаешь, что делают с теми, кого нельзя объяснить.

Валар помолчала. Ей не нравилось ничего из этого. Но выбор у неё был небогатый.

— Как мне вернуться домой?

— Врата открываются в одну сторону. Для обратной дороги нужна та книга, а она у лорда. Больше я ничего не скажу, пока ты не скажешь мне.

Она ушла. Засов лязгнул.

Валар осталась у окна. Далеко внизу, у края Разлома, шевельнулась тень. Что-то длинное, гибкое выползло из багрового тумана, замерло, будто принюхиваясь, и двинулось вверх по склону. За ним ещё одно. И ещё.

Над ней, на зубчатой стене, мелькнул силуэт. Каэль стоял на краю парапета, без плаща, и ветер трепал его волосы. Он смотрел вниз, на ползущие по склону тени, и в этой неподвижности было что-то такое, от чего у Валар сжалось в груди. Потом он поднял голову и посмотрел прямо в её окно, через всю пропасть, так, словно знал, что она стоит именно там.

На одно мгновение, длиннее удара сердца, они смотрели друг на друга.

Потом он отвернулся первым.

Валар прижалась лбом к холодной решётке. Три дня. Затем приедет посланник, и тот, чей почерк наклонён влево, увидит то, о чём так тщательно молчит лорд. Валар не любила, когда за неё решали. Особенно люди, которых она не знала.

Вечером Лисса принесла ужин. Ставя поднос, она тихо уронила на табурет свёрток из тряпицы.

— Ключ от нижнего хода, — прошептала она. — Лестница за кухней ведёт к северному архиву. Там живёт старый Торн, слепой писец. Он служил при последней Летописице и помнит древнее письмо. Если кто и объяснит вам, что вы читаете, то только он. Стража меняется в полночь.

— Торн? — Валар нахмурилась. — Я никогда о нём не слышала. Почему ты решила, что мне нужны объяснения?

— Потому что вы прочли надпись, а лорд велел молчать. Я бы на вашем месте тоже хотела понять. — Лисса торопливо отвела глаза. — Торна в замке почти никто не видит. Лорд никого к нему не пускает. Но он единственный, кто может вам что-то объяснить. Вы одна можете починить Печать. Если вы не попробуете, мы все умрём.

— Откуда простая ученица травницы знает, кого лорд не пускает и куда?

— Я на кухне, госпожа. Там все всё знают.

Она ушла. Валар развернула тряпицу. Ключ был старым, чёрным, с витой бородкой. Она поднесла его к носу, как делала это с любой вещью, чтобы понять её возраст, и замерла.

Ключ пах свежим маслом.

Украденные ключи не пахнут свежим маслом. Этот не украли. Этот приготовили.

Валар посмотрела на дверь, потом на окно, за которым ползли по склону тени, и сжала ключ в ладони.

Глава 5. Нижний ход

День второй. Ночь.

Ночь тянулась медленно, как остывающая смола. Валар сидела на койке, не зажигая свечи, и слушала замок. Замок, казалось, слушал её.

Ключ лежал у неё на ладони. Старый, чёрный, с витой бородкой, он был подозрительно чист: ни ржавчины, ни пыли, ни зелёного налёта, какой оставляют годы в сырой кладовой. Кто-то брал его в руки часто. Кто-то смазывал, протирал, берёг, как берегут вещь, которой собираются пользоваться.

«Если бы его выкрали у кастеляна, он пах бы чужим потом и кожей, — рассуждала Валар. — А он пахнет только маслом. Значит, Лисса получила его не случайно. Значит, ей нужно, чтобы я пошла туда, куда она показала».

Вещи не лгут, лгут те, кто ими пользуется. Этому её научили десять лет реставрации, и это было единственное правило, в котором она сейчас не сомневалась.

Идти было опасно. Не идти было ещё опаснее. Через день, самое большее через два, в замок приедет человек, чей почерк наклонён влево, и увидит то, о чём так упорно молчит лорд. А она по-прежнему не знала ни кто она такая здесь, ни как вернуться домой. Если ей суждено попасть в чужую ловушку, она хотела хотя бы выбрать, где захлопнется дверца.

Когда в башне стихли шаги стражи, она подошла к двери. Дверь была глухая, окованная железом, запертая снаружи на тяжёлый засов, и ключ к ней не подходил. Валар почувствовала, как внутри холодеет, и подумала, что Лисса попросту обманула её. Но потом вспомнила, как днём девушка подкладывала уголь в жаровню и зачем-то слишком долго стояла у стены, глядя на копоть.

Валар отодвинула жаровню, обжегшись о раскалённый бок, и на уровне колен, под слоем сажи, нащупала железную дверцу ростом с ребёнка. Замок в ней был старый, но замочная скважина блестела от свежего масла.

Ключ повернулся почти беззвучно.

За дверцей начиналась лестница, вырубленная в самой толще стены: узкая, крутая, с выщербленными ступенями. Слуги носили по ней уголь и воду, чтобы не попадаться на глаза господам. Валар зажгла огарок от углей и, пригнувшись, шагнула в темноту.

Спускалась она долго. Камень вокруг был тёплым от кузнечных горнов, и сквозь него доносились приглушённые голоса, лязг молотов и запах горячего железа. На одном из поворотов открылась щель, и в неё хлынули запахи хлеба и лука: кухня. Валар прижалась к стене и застыла. Совсем рядом смеялись женщины, звякали ложки, кто-то напевал, и её вдруг пронзила острая, нелепая тоска по самой обычной жизни, где можно просто зайти на кухню и попросить чаю.

Потом ступени кончились, и узкий коридор вывел её к высокой двери из чёрного дуба. На створках была вырезана спираль, та самая, что и на обложке книги. Замочной скважины не было.

Она поколебалась. Потом протянула руку и коснулась знака ладонью.

Золотые линии на запястье потеплели и тихо запели, как струны под пальцами. Где-то внутри двери тяжело, нехотя повернулся невидимый засов, и створки разошлись сами.

В лицо ей пахнуло запахом, который она узнала бы с закрытыми глазами: старая бумага, воск, клей, кожа, пыль. Запах дома. Валар вдруг поняла, что колени у неё дрожат не от страха, а от чего-то совсем другого.

Огромный зал уходил во тьму, и своды его терялись в вышине. Стеллажи тянулись до потолка, и на них, ряд за рядом, лежали свитки в кожаных футлярах, глиняные таблички, пластины из тёмного металла, книги в переплётах цвета засохшей крови. Часть полок обрушилась,

и на полу белели россыпи листов, как опавшая листва. Далеко, в глубине, на столе горела лампа и бросала на сводчатый потолок дрожащее пятно света.

Валар провела пальцем по ближайшему корешку. Кожа осыпалась под её прикосновением, как рыхлая земля. «Сырость, — подумала она машинально. — Нужен воск, нужна вытяжка, нужен хотя бы сквозняк». Руки уже знали, что делать. Впервые за двое суток она вдохнула полной грудью.

— Закрой дверь, девочка. Сквозит.

Голос раздался из-за стеллажей: сухой, надтреснутый, но с неожиданной теплотой, как у человека, который давно привык разговаривать с книгами и потому не боится тишины. Валар вздрогнула и обернулась.

Из полумрака вышел старик. Совсем маленький, сгорбленный, с белыми волосами, лёгкими, как пух чертополоха, и лицом, сморщенным, как печёное яблоко. Серая мантия, штопаная-перештопаная, висела на нём как на вешалке. Пальцы у него были длинные, чуткие и испачканы чернилами до запястий так основательно, что, казалось, отмыть их невозможно. Глаза затянула молочная пелена, и смотрели они чуть выше её плеча.

— Вы Торн? — спросила она тихо.

— А ты ждала кого-то другого? — Он повернул к ней лицо, и по складкам у губ пробежало что-то похожее на улыбку. — Подойди, не бойся. Я стар и слеп, мне нечего терять. Тебе есть что, но об этом после. Ты пришла по нижнему ходу, значит, ключ принесла Лисса. Она носит мне воду и новости. Хорошая девочка, всегда знает, что где лежит. Дай мне левую руку. Ту, что горит.

Валар помедлила. Потом протянула запястье. Старик взял его обеими руками, и пальцы его, лёгкие, как паутина, пробежали по золотым линиям, едва касаясь, будто читали строки.

— Вязь, — прошептал он. — Живая. Тёплая. Признал. Значит, я не ошибся тогда, и Печать не ошиблась сегодня. — Он поднял голову. — Как тебя зовут?

— Валар. Валар Весич.

— Откуда ты?

— Из Белграда. Это очень далеко отсюда.

— Далеко, — повторил Торн. — Дальше, чем кажется. Расскажи мне про книгу, девочка. Всё, что помнишь. Как пахла, как лежала, что было под кожей.

Она рассказала. О курьере без лица, о записке с подписью «И», о запахе гари, о спирали на обложке, о тексте, спрятанном под кожей переплёта, и о капле крови, которая упала на страницу. Старик слушал, не перебивая, склонив голову набок, и по мере её рассказа лицо его менялось: сначала разгладилось, потом помрачнело, потом снова стало покойным и очень, очень старым.

— Спираль, — сказал он наконец. — Это книга Эйры. Хроника последней Летописицы. Сорок лет я был её писцом и записывал за ней слова, когда рука её уставала. В ночь, когда Печать треснула, Эйра погибла, и книга исчезла вместе с ней. Я думал, её сожгли. — Он помолчал. — И ещё в ту ночь исчезла её маленькая дочь. Ей было несколько месяцев. Тела не нашли. Я всегда надеялся, что Эйра успела спрятать её там, где никто не додумается искать. За Вратами, в чужом мире, среди людей, которые ничего не знают о Слове.

Он повернул к ней незрячее лицо.

— Книга не откроется чужому. Она не может пройти из мира в мир без крови хозяина. Она нашла тебя потому, что в твоих жилах течёт кровь Эйры, девочка. Я думаю, ты её правнучка.

— Нет, — сказала Валар. — Вы ошибаетесь. Моя бабушка из Валева, и у неё…

Она замолчала. Слова застряли в горле, потому что она вдруг вспомнила то, о чём не думала годами. Бабушка никогда не знала своих родителей. Её нашли младенцем у дверей церкви в двадцать пятом году, в плетёной корзине, закутанной в кусок льняной ткани. Ни

записки, ни имени. Эту ткань бабушка берегла всю жизнь: выцветшую, пожелтевшую, с вышитой по краю спиралью, которую никто в семье так и не смог объяснить. Рядом со спиралью тянулось одно-единственное слово незнакомыми буквами. Бабушка решила, что это женское имя, и когда родилась внучка, назвала её так. «От матери, которой я не знала», говорила бабушка и клала её обратно в сундучок, на самое дно.

Сундучок, спираль, корзина. Валар опустилась на ближайший табурет, потому что ноги больше не держали.

— Мою бабушку нашли в двадцать пятом году, — выговорила она наконец. — Младенцем. У неё осталась пелёнка со спиралью.

Старик не удивился. Он только протянул руку и очень бережно, как слепые гладят лица родных, коснулся её щеки.

— Значит, она выжила, — сказал он, и в голосе его дрогнуло что-то давно отстоявшееся. — Девочка Эйры выжила.

Валар сидела не двигаясь. Всё, что случилось с ней за двое суток, вдруг сложилось в рисунок, и рисунок этот пугал больше, чем любой Разлом.

— Как мне вернуться домой? — спросила она, и голос прозвучал глухо.

— Дорога есть. Но чтобы её открыть, нужно записать слово, а слово стоит цены. — Торн покачал головой. — Не спрашивай какой. Не сегодня. Сначала ты научишься читать то, что видишь, не сжигая себя. А пока запомни одно. Тебя захотят все: лорд, Совет, Обитель. Каждый скажет, что хочет тебя защитить. Решай, девочка, чья ты. Лучше всего — своя.

Дверь за её спиной ударила о каменную стену с такой силой, что с полок посыпалась пыль.

Каэль стоял на пороге. Без плаща, в расстёгнутой рубахе, с растрёпанными волосами, и глаза его горели янтарём, а зрачки сузились до тонких нитей. Перчатка на левой руке дымилась. Лист пергамента на ближайшей полке свернулся, почернел по краю и тихо затрещал.

— Каэль, — ровно сказал Торн, не оборачиваясь. — Пергамент.

Каэль остановился. Выдохнул медленно, сквозь сжатые зубы, и дымок над перчаткой растаял. Но взгляд его, обращённый к Валар, не смягчился.

— Дверь архива не открывалась сто лет, — сказал он. — А сегодня в полночь она открылась сама. Ты понимаешь, что это значит для тех, кто умеет чувствовать такие вещи?

— Вы запретили мне читать вслух на стенах, — ответила Валар. Голос её дрогнул, но она поднялась и выпрямилась. — Я не читала. Я шла.

— Ты вышла из запертой комнаты. Кто открыл тебе?

Она промолчала. Вспомнила маслянистый блеск ключа и тёмные внимательные глаза Лиссы и поняла, что не знает, кому из них двоих доверяет меньше.

— Кто дал тебе ключ?

— Не скажу.

Он шагнул к ней. Три шага, и вот он уже вплотную, и жар от него ударил, как из открытой печи. Валар не отступила, хотя всё внутри кричало: беги.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказал Каэль тихо. — Я могу запереть тебя так, что ни одна дверь…

— Можете, — перебила она. — Вы можете всё. Вы привезли меня сюда, ничего не объяснили, заперли, при всех назвали шпионкой, а теперь сердитесь, что я пошла искать ответы. Вы такой же, как все, кто решает за других.

— Если бы я решал за тебя, ты была бы сейчас в руках Обители.

— А с вами я где?

— Жива.

— Это очень низкая планка, Каэль.

Он стоял так близко, что она различала тёмные крапинки в янтаре его глаз и шрам, оттягивающий уголок рта. Дыхание у него было горячим. Оба замерли, и в наступившей тишине между ними прошло что-то нежеланное и опасное, и оба сделали вид, что ничего не было.

Каэль первым отвёл взгляд. Он повернулся к старику.

— Ты ничего ей не рассказал?

— Рассказал то, чего ты боялся, — ответил Торн. — Не всё.

Каэль на миг закрыл глаза, как человек, которому вдруг стало очень тяжело дышать.

— Идём, — сказал он Валар.

Обратно они шли молча, по главной лестнице, под размеренный звук его шагов. У двери башни он остановился и протянул руку.

— Ключ.

Валар положила ключ ему на ладонь. Каэль поднёс его к лицу, вдохнул, и что-то мелькнуло в его глазах: узнавание, быстрое и тотчас же прикрытое.

— Лазаретное масло, — произнёс он ровно.

Больше он ничего не сказал. Спрятал ключ за пояс.

— Завтра на рассвете я приду. Отвечу на твои вопросы. На те, на которые смогу.

Дверь закрылась. Лязгнул засов.

Валар прислонилась к стене и медленно съехала на пол. Лазаретное масло. Утром, ещё в начале дня, Лисса сама сказала ей, что помогает в лазарете, и пальцы её были в пятнах чернил и в мелких царапинах. Каэль узнал запах и сразу понял, кто дал ей ключ. И промолчал.

Почему?

Глава 6. Условия

День третий. Рассвет.

Он пришёл на рассвете, как обещал. Серый свет только начал разбавлять мрак за решёткой, и Валар, так и не сомкнувшая глаз, услышала его шаги задолго до того, как лязгнул засов. Шаги замерли у двери. Потом раздался короткий кожаный шорох: он снимал перчатки.

Каэль вошёл один, без плаща, с непокрытыми руками. В них он нёс свёрток, обёрнутый тёмной тканью, и осторожно положил его на стол.

При том, что в этом мире сходило за дневной свет, он выглядел плохо. Тени под глазами, лицо серое, как у человека, которому давно не спится, и только янтарь в зрачках горел прежним ровным огнём. А руки… Валар впервые увидела их по-настоящему: ожоги от кончиков пальцев до самых запястий, глянцевые, стянутые, перекрещённые белыми шрамами, будто кто-то много лет подряд пытался стереть с этих рук всё, что ими когда-либо было сделано. Он не прятал их. Он показывал.

Она поняла, что это сделано нарочно.

— Я обещал ответы, — сказал он. — Спрашивай.

— Нет, — сказала Валар.

Он приподнял бровь.

— Сначала условия.

Она готовилась к этому всю ночь, едва вернувшись из архива. Когда клиент требует невозможного, ему не отказывают сразу и не соглашаются сразу. Ему называют условия. Валар сидела на краю койки, выпрямив спину, и только пальцы, сцепленные на коленях, выдавали, чего ей это стоило.

— Первое. Вы отвечаете на мои вопросы полностью. А если не можете ответить, говорите прямо: «не отвечу». Но не лжёте.

— Согласен.

— Второе. Я хожу по замку без стражи. Мира может идти рядом, но не за моей спиной.

— Мира будет в десяти шагах.

— В пяти.

Что-то дрогнуло у него в углу рта.

— Хорошо, в пяти.

— Третье. Книга. Я реставратор, Каэль, и я не позволю держать вещь пятисотлетнего возраста в сундуке, пока она рассыпается. Мне нужен доступ к ней.

Он помолчал. Взгляд его скользнул к свёртку на столе и вернулся к ней, тяжёлый и усталый.

— Книга останется у меня. Работать с ней ты будешь в моём присутствии. Так я хотя бы буду знать, что она делает с тобой, а ты с ней.

Она хотела возразить, но уловила в его голосе то, чего не ожидала: не угрозу, а осторожность человека, который слишком хорошо знает цену ошибки. Большего ей не выторговать.

— Хорошо. И четвёртое. Никто не решает за меня. Ни вы, ни Совет, ни ваш брат, ни этот Ирвен. Если я захочу что-то сказать посланнику, я скажу. Захочу промолчать, промолчу. Но решать буду я.

Он долго не отвечал. В тишине слышно было, как за решёткой шуршит пепел.

— Я не могу обещать тебе Совет, — сказал он наконец. — Но я обещаю, что не стану говорить за тебя.

— Этого достаточно.

— А что предлагаешь ты?

— Я остаюсь. Не бегу, пока не узнаю достаточно. Учусь у Торна. Молчу о том, что умею, пока мы с вами не договорим. — Валар подняла на него глаза и не отвела их. — Я не вещь, Каэль. Я человек, которого сюда затащили против воли. Я могу кивнуть, а ночью уйти. А могу согласиться по-настоящему. От вас зависит, что вы хотите получить.

Он смотрел на неё так долго, что она услышала собственное сердце.

— Ты называешь меня по имени, — медленно сказал он.

— Вас это оскорбляет?

— Нет. — Тень той самой несостоявшейся улыбки снова скользнула по его лицу. — Просто так давно не называли, что я успел забыть, как это звучит.

Он наконец сел на табурет, и тот жалобно скрипнул под его весом.

— Спрашивай.

Валар выдохнула.

— Расскажите мне про Ирвена. Мира сказала только, что он стоит во главе Обители. А вы произносите его имя так, будто глотаете осколок.

Каэль посмотрел на свои ладони.

— Верховный провидец. Его дар называют Зеркальным взором: он видит в отражениях то, что скрыто расстоянием и временем, и умеет делиться этим даром с другими. Из Зеркал, которые он поставил над Разломом, Обитель следит за Пустошью. Люди любят его. Он ездит по деревням, лечит больных, кормит голодных, и никто никогда не слышал от него резкого слова. На вид ему сорок. На самом деле больше ста двадцати. — Он помолчал. — Он первым понял, что Печать треснула. Первым поднял защиту. Каждый раз вовремя, каждый раз во благо. Я иногда думаю, что так не бывает.

— И это всё, что вы имеете против него?

— Нет. В ту ночь, когда погибла Эйра, он был рядом с ней. Из свиты, что сопровождала Летописицу, живым вышел только он один. — Каэль поднял глаза. — Он рассказывал нам, как это случилось. Много раз. И каждый раз немного иначе.

В комнате стало прохладно, или Валар только показалось.

— Записка была подписана «И», — сказала она. — Почерк ровный, красивый, с наклоном влево.

Каэль замер. Лицо его не изменилось, но костяшки пальцев на колене побелели.

— Ирвен пишет с наклоном влево, — произнёс он очень тихо.

— Значит, это он.

— Значит, это его почерк. Он мог подделать руку, мог поручить переписчику. Я не знаю. — Он разжал пальцы. — Но теперь я знаю достаточно, чтобы не оставлять тебя с ним наедине. Следующий вопрос.

— Почему вы сказали, что Печать ответила мне?

— Потому что трижды за ночь она отозвалась на твою кровь. Сто лет она молчала. Она отвечает только Летописцам.

— Я не Летописица.

— Торн скажет тебе то же, что скажу я. Верить сразу не обязательно.

Она помолчала, подбирая слова.

— Вы жжёте всё, к чему прикасаетесь. Мира говорила, что отметины Зарна не сходят. Вы схватили меня за руку в галерее, и осталась красная метка. А потом она стала золотой. Объясните.

Он смотрел на свои руки долго, прежде чем ответить.

— Огонь Зарна живёт в крови. Он не оружие и не дар. Он огонь в печи, где всегда нужны и подтопка, и заслонка. В стае один дракон уравновешивает другого: огонь распределяется, никому не достаётся слишком много. — Голос его сделался совсем ровным. — Когда стая погибла, я остался один. Узор, по которому огонь делится между своими, на моей ключице

погас, видишь, он чёрный, как выжженная земля. Огонь больше не слушается меня. Он выплёскивается, когда я зол, когда мне больно, когда я не ожидаю. Он жжёт всё, до чего я дотрагиваюсь. Двадцать лет я не касаюсь людей. Мира знает, Дариус знает. Они привыкли. — Он на миг замолчал. — Тебя я схватил, потому что не успел подумать. Остальное, судя по золоту, решила Печать. Не я.

Валар посмотрела на свои руки. Золотые линии на запястье тихо светились. Она никогда не думала, что можно так остро жалеть человека, которого боишься.

— Что вы скрываете? — спросила она.

Он не отвёл взгляда, и это само по себе было почти признанием.

— Многое.

— Расскажете?

— Нет. Не сегодня.

— Вы обещали говорить правду или молчать.

— Я и молчу. Это тоже ответ. — Он помедлил. — Ты спросила, есть ли цена. Цена есть. Она зависит от слова, которое ты запишешь. Пока ты не научишься читать, писать тебе нельзя. Остальное скажет Торн, когда придёт время.

Валар поняла, что большего не добьётся, и кивнула, хотя внутри всё кипело.

— Хорошо.

Он встал и протянул ей руку. Не ладонью вверх, как протягивают в дар, а ребром, как для сделки. И сразу же замер, словно спохватился. Рука его застыла в воздухе, чуть дрогнув.

— Не надо, — сказал он глухо. — Я обожгу тебя.

— Вы уже обожгли, — ответила Валар. — Один раз. И я всё ещё здесь.

— Это был несчастный случай.

— Тогда пусть теперь это будет решением. Моим.

Она встала и вложила ладонь в его ладонь.

Золотые линии на её запястье вспыхнули тихим светом. Каэль втянул воздух сквозь зубы, как человек, ожидающий удара, и зажмурился. Но удара не последовало. Его кожа была горячей, как нагретый солнцем камень, и шершавой от шрамов, и жар не обжигал, а грел, и это было так неожиданно, что Валар невольно сжала его пальцы крепче.

Он открыл глаза.

Этого лица она не забудет. С него будто сняли маску. Он смотрел на их сомкнутые руки так, как смотрят на чудо, в которое давно перестали верить, и губы его слегка приоткрылись. Тёмные линии на ключице, там, где расстёгнутый ворот открывал кожу, вспыхнули золотом, отвечая ей. Под её пальцами на его запястье билась жилка, быстро и неровно, как птица в ладони.

— Двадцать лет, — сказал он шёпотом, как будто себе. — Двадцать лет.

Валар ничего не ответила. Она поняла, что говорить не нужно. И ещё она поняла, что только что совершила что-то необратимое. Она не знала что, но знала, что назад дороги нет.

Он осторожно, будто боялся что-то разбить, разжал пальцы и отпустил её руку. Лицо его стало прежним. Только в глазах, на самом дне, ещё что-то мерцало.

В дверь не постучали, а ударили, коротко и резко. Вошла Мира, и лицо её было таким, какого Валар у неё не видела.

— Лорд. Дозор на западной дороге. Это не посланник.

— Кто?

— Сам Ирвен. С отрядом в двадцать человек. Будут у ворот к полудню.

— Он должен был приехать послезавтра, — сказал Каэль, и в голосе его не осталось ничего, кроме льда. — Кто ему сообщил?

— Не знаю. — Мира помолчала. — Дариус вернулся с границы перед рассветом.

Каэль не ответил. Только скулы его на мгновение стали острее.

Валар подошла к окну. Далеко внизу, по серой дороге вдоль Разлома, двигалась колонна всадников. Белые плащи, серебро на сбруе, знамя с эмблемой в виде зеркала. Впереди, чуть в стороне от остальных, ехал один, в светлом плаще, и даже с такого расстояния было видно, как легко и свободно он сидит в седле, как человек, которому не приходится ни перед кем оправдываться.

Она почувствовала тепло за плечом и обернулась. Каэль стоял у неё за спиной, не касаясь, просто рядом.

— Условия остаются в силе, — сказал он негромко. — Но у меня одна просьба. Не приказ. Просьба. Пока он здесь, ни слова о том, что ты умеешь читать.

— Это ваше решение или моё?

Он посмотрел на неё, и в янтарных глазах что-то дрогнуло.

— Твоё. Но я прошу.

Глава 7. Гость с севера

День третий. Полдень.

К полудню весь Зарн замер.

Во дворе выстроили стражу: две шеренги в тёмных доспехах по обе стороны от ворот. Кузнечные горны затихли, и впервые за трое суток в замке стало так тихо, что Валар услышала, как позвякивает сбруя у дальних коней. Она стояла на галерее над двором, в платье, которое принесла Лисса: тёмно-зелёная шерсть, слишком длинная юбка, тонкий кожаный шнур на талии. Мира держалась в пяти шагах, ровно столько, сколько было оговорено. Пепел сыпался на плечи и волосы, и Валар поймала себя на том, что смахивает его уже без отвращения.

Каэль ждал внизу, у подножия лестницы, спиной к ней. Прямой, как клинок, в чёрном плаще, с непокрытой головой. Дариус стоял чуть позади и правее, и по тому, как он держал плечи, было видно: он одновременно ждал этого приезда и боялся его.

Ворота разошлись.

Первой въехала белая лошадь. Белая не по сбруе и не по всадникам, а сама по себе, как первый снег, какого в этих горах не видели веками. А на ней человек.

Издалека, из окна, Валар представляла его суровым жрецом или холодным колдуном. Вблизи он оказался совсем другим. Высокий, лёгкий в движениях, в белом плаще с серебряной каймой, которая при каждом шаге коня вспыхивала крошечными огоньками, как осколки зеркала. Светлые волосы бледного золота, на висках чуть тронутые серебром. Лицо тонкое, породистое, с мягкой складкой у губ, обещавшей улыбку. Глаза серо-зелёные, как речная вода подо льдом. На груди, на длинной цепочке, поблёскивало круглое зеркальце в серебряной оправе, не больше ладони.

Он спрыгнул на землю с лёгкостью юноши и, сняв перчатку, приложил руку к сердцу.

— Каэль Зарн'Ахар, — произнёс он, и голос у него оказался такой, что хотелось слушать его вечно: низкий, мелодичный, согревающий, как глоток тёплого вина. — Лорд Пепельных гор. Мой дорогой друг. Прости, что приехал раньше, чем ты ждал. Зеркала показали мне беду, и я не смог усидеть в Обители.

— Верховный провидец, — ответил Каэль. Ни тепла, ни холода. — Дом Зарн рад гостю.

Это была формула вежливости, и он произнёс её так, что Валар поняла: он вкладывает в неё всё, что можно вложить, лишь бы остаться в пределах приличий.

Ирвен улыбнулся. Улыбка оказалась именно такой, как обещала складка у губ: тёплой, чуть печальной, с ямочкой на левой щеке.

— Какая церемония. Я привык к тебе проще. — Он перевёл взгляд на Дариуса, и лицо его осветилось. — Дариус! Как ты возмужал.

— Верховный провидец. — Дариус шагнул вперёд и коротко, почтительно склонил голову. — Мы ждали вас послезавтра.

— Ждали? — Ирвен слегка приподнял брови. — А я думал, что мои вести придут раньше меня. Впрочем, неважно.

Валар видела, как у Каэля напряглась скула. Он не посмотрел на брата. Он смотрел только на Ирвена.

Зал Пепла встретил гостя тем же холодным светом жаровен, но казался рядом с ним тесным. Ирвен шёл сквозь строй стражи, и люди расступались перед ним не так, как перед Каэлем. Не с опущенными глазами, а с жадным, почти влюблённым вниманием, как расступаются перед тем, кто принёс хлеб в голодный год. Старейшины Совета Огня поднялись с мест. Горвен, самый упрямый и суровый из них, склонился чуть не до пояса.

— Верховный провидец, мы благодарим Обитель за заботу о наших границах.

— Не благодарите, Горвен. Я лишь исполняю долг.

Он обводил зал взглядом, и взгляд его, мягкий и внимательный, останавливался на каждом лице. Он помнил имена. Помнил, у кого болит плечо. Спросил Рекка о внуке, которого видел в прошлом году, и старик расцвёл. Валар наблюдала за этим и чувствовала, как что-то неприятно сжимается внутри: она ловила себя на том, что ей хочется ему верить.

Потом он увидел её.

— А вот и наша гостья, — сказал он, и в голосе его не было ни удивления, ни расчёта. Только мягкость. — Позвольте мне.

Он пошёл к ней через весь зал, и Мира в пяти шагах напряглась, как пружина. Каэль шагнул наперерез, но Ирвен уже остановился перед Валар на расстоянии вежливого поклона. В нескольких вершках от неё поблёскивало зеркальце на цепочке.

— Прошу простить за приём, — сказал он тихо, глядя ей в глаза. — Я Ирвен. Мне говорили, что с вами обошлись сурово. Лорд Каэль надёжный защитник, но не слишком умелый хозяин.

Золотые линии на её запястье вдруг обожгло холодом. Не жаром, как от Каэля, а именно холодом, мерзлотой, будто к коже приложили лёд. Валар невольно посмотрела на зеркальце у него на груди.

В гладкой серебряной глубине не отразилось её лица. Там, где должно было быть отражение, медленно проворачивалась золотая спираль, а за ней, очень глубоко, едва заметно, что-то шевельнулось, как рука за мутным стеклом.

Она моргнула. Зеркало было ясным и пустым, и в нём отражался потолок.

— Вы бледны, — мягко сказал Ирвен. — Простите, я вас напугал.

— Нет, — выговорила Валар. — Просто устала.

— Конечно. Вы пережили потрясение, которого не выдержит не каждый. — Он слегка улыбнулся. — Вы понимаете наш язык. Это редкость для тех, кто приходит из-за Врат.

Она ощутила на себе взгляд Каэля и ответила, тщательно подбирая слова:

— Я понимаю вас. И не знаю почему.

— Дар слуха. Так бывает при переходе. Он быстро проходит, не тревожьтесь. — Голос его был таким ласковым, что Валар вдруг ясно поняла: он лжёт. Не потому, что ошибся, а потому, что хочет, чтобы она поверила. — Я приехал, чтобы помочь. В Обители вам будет безопасно. Зеркала защитят вас от тех, кто охотится на таких, как вы.

— На таких, как я, — повторила Валар. — А кто я?

— Гостья, — ответил он с той же улыбкой. — Так я предпочитаю думать.

— Три дня, — сказал Каэль.

Он уже стоял рядом, и голос его прорезал зал, как клинок воздух. Ирвен повернулся к нему без тени раздражения.

— Совет дал мне три дня, прежде чем уведомлять Обитель. Срок истекает на рассвете. Она остаётся в Зарне, пока он не вышел.

— Разумеется, — сказал Ирвен. — Закон гостеприимства священен. Я подожду. Погощу у вас, если позволишь.

Каэль не ответил. Пауза затянулась. Старейшины переглядывались, и в этом молчании Валар прочла: Ирвен только что выиграл. Он отдал то, чего у него не оспаривали, и этим сделал Каэля виноватым в упрямстве.

Мимо них прошла девушка с кувшином вина. Лисса, в серой тунике прислуги, с опущенными глазами. Она протянула Ирвену кубок, и он принял его. Взгляд его скользнул по ней, почти не задержавшись.

— Благодарю, дитя.

Это длилось полсекунды. Но Валар видела, как дрогнул кубок в руке Лиссы, как побелели её пальцы, как быстро и испуганно она отступила. А Ирвен смотрел на девушку сквозь неё. Так не смотрят на незнакомых: незнакомых разглядывают.

Когда зал стал расходиться и стража потянулась к дверям, Ирвен оказался рядом с Валар ещё раз. Он остановился, будто бы поправляя перчатку, и сказал совсем тихо, так, чтобы слышала только она:

— Благодарю, что пришли, Валар.

Ни улыбки. Ни тепла. Только эти слова, произнесённые ровным, красивым голосом.

Валар застыла. Те же слова. Те же самые, что вспыхнули на титульном листе книги в последнем свете гаснущей лампы. Строка, которую она не показала никому. О которой не рассказала даже Торну.

Ирвен ушёл, не оглянувшись. А за её плечом, в нескольких шагах, Мира сжала рукоять меча так, что скрипнула кожа.

Глава 8. Первое слово

День третий. Вечер и ночь.

В тот вечер в Зале Пепла накрыли длинные столы. Жаровни горели ярче обычного, на железных блюдах дымилось тёмное мясо, в мисках лежала крупная серая соль, а вино в тяжёлых кубках пахло дымом и мёдом. Старейшины сидели справа от возвышения, с каменными лицами, и даже они сегодня говорили вполголоса, как при больном.

Ирвена посадили по правую руку от Каэля. Валар отвели место в конце стола, рядом с Мирой, и она сидела, выпрямив спину, и делала вид, что ест. Напротив сидел Дариус. Он смотрел на Ирвена так, как смотрят на того, кто первым за много лет заговорил с тобой по-доброму: с благодарностью, которую стыдно показывать и невозможно скрыть. Лисса ходила между столами с кувшином, и пальцы её, обхватившие горло сосуда, слегка дрожали.

— Расскажите нам, верховный провидец, — сказал Горвен, когда мясо убрали, а вино разлили по второму кругу. — О той ночи. Вы были рядом с Летописицей. Молодые у нас растут и ничего не знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.